

— Мм... — поморщившись, негромко выдохнул Го Цзя.

Увидев, что его лицо мгновенно побелело, а ладонь, сжавшая его руку, стала липкой от влаги, Чжао Юнь опустил взгляд и, заметив на ладони ярко-алые следы, невольно нахмурился:

— Настоящий безумец!

Чжао Юнь втащил его в седло, и Нефритовый Лев Ночного Озарения со стремительной быстротой в мгновение ока вынес их из гущи сражения.

Рана на плече горела огнем, но эта боль не шла ни в какое сравнение с жаром тела прижимавшегося к нему человека.

Оказавшись в чьих-то объятиях, он чувствовал себя в абсолютной безопасности. В этом тепле, неведомом ему прежде, казалось, плавилась его душа и разум, растворя многолетние скитания обеих его жизней.

Сознание, так долго державшееся из последних сил, наконец сдалось и увяло в этой мимолетной нежности.

В полузабытьи он услышал, как кто-то зовет его:

— Фэнсяо...

Го Цзя медленно приоткрыл глаза. Перед ним было крупное лицо с правильными чертами: соболиные брови, глаза-звезды, а во взгляде — ничем не скрытая тревога.

В походном шатре ярко пылали две жаровни с углями, издавая едва слышное потрескивание.

Сидевший на краю кровати Чжао Юнь протянул руку, коснулся его лба и вздохнул:

— Жар спал.

Го Цзя тихо произнес «мхм», приподнялся и отвел взгляд, слегка отвернувшись от Чжао Юня.

Долгое время спустя Чжао Юнь наконец заговорил:

— Сидел бы себе смирно в уезде Цзи, какого черта тебя сюда понесло?

Го Цзя опустил глаза, в его голосе прозвучала едва уловимая обида:

— Юань Гунлу отправил Гунсунь Юэ в поход — это изначально была его ловушка. Если бы удалось погубить Гунсунь Юэ, этого хватило бы, чтобы столкнуть лбами Гунсунь Цзая и Юань Шао, а он сам смог бы извлечь выгоду из борьбы двух тигров.

— Ты хочешь сказать... подставить другого?

— Не совсем подставить. При том упрямом и косном нраве, что у Гунсунь Цзаня...

— Кхе-мхм.

Чжао Юнь странно кашлянул, Го Цзя беспомощно закатил глаза к потолку, сменил тон и продолжил:

— Господин Богуй, разумеется, не догадается о замыслах Юань Шу. Поэтому в этом походе Гунсунь Юэ обречен на верную гибель, а потому...

— А потому Фэнсяо испугался, что мы с ним попадем в эту ловушку?

Го Цзя неожиданно встретился взглядом с горящими глазами Чжао Юня и медленно произнес:

— Цзилун, если господин Богуй — вовсе не тот правитель, что способен завоевать Поднебесную, ты... все еще хочешь следовать за ним?

Чжао Юнь поднялся с места, неспешно дошел до входа в шатер и откинул краешек занавески, подставляя лицо холодному ветру.

Не оборачиваясь, Чжао Юнь спросил:

— Разве Фэнсяо тогда еще не знал, что Юнь намерен служить Гунсунь Цзаню?

— Знал. — Ответ Го Цзя едва можно было расслышать.

— Разве ты уже тогда не знал, что за человек Гунсунь Цзань?

— Знал. — Эту фразу Го Цзя произнес так тихо, что едва сам расслышал.

Чжао Юнь резко обернулся, и его голос внезапно стал холодным и суровым:

— Тогда почему Фэнсяо не сказал об этом раньше?

Го Цзя потрясенно поднял голову, и только-только зарождавшийся румянец вновь мгновенно сошел с его лица.

Чжао Юнь опустил занавеску и замер на месте.

Хотя тот хранил молчание, Го Цзя всем существом ощутил давящую со всех сторон тяжесть, от которой стало невыносимо больно в груди.

— Цзилун, если бы... с самого начала... Цзя сказал бы, что он — не тот мудрый господин, которого ты ищешь, стал бы ты... верить?

Чжао Юнь смотрел на него. Тот сидел, опустив голову, и растрепавшиеся пряди волос почти полностью скрывали брови и глаза, делая черты лица неразличимыми, а намотанная на руку повязка все еще слегка сочилась кровью.

Подумав о том, что этот человек, не оправившись от сильнейшего жара, проскакал тысячу ли только ради того, чтобы предупредить его.

Это был заговор. Заговор, целью которого было отправить Гунсунь Юэ на верную смерть.

И Чжао Юнь прекрасно понимал, какое дело было Го Цзя до жизни и смерти Гунсунь Юэ.

Если он, не считаясь с больной плотью, прискакал сюда, то лишь потому, что...

Чжао Юнь тяжело вздохнул:

— Верю. Чему бы ни учил Фэнсяо, Юнь поверит во все.

Сказав это, он слегка качнулся всем телом и вышел из шатра.

Полог шатра еще продолжал слегка колыхаться. Го Цзя застыл в оцепенении, а на дне его глаз заворчалось невыразимое, смутное чувство.

Это сражение обернулось полным разгромом, словно стая бездомных собак. Войска Юаня отступили на тридцать ли назад и лишь тогда заново разбили лагерь. Янчэн никак не удавалось взять штурмом, но при этом они несли непрерывные потери в людях и командирах; атмосфера во всем лагере упала до предела.

Чжао Юнь нарвался у Гунсунь Юэ на целый поток колких упреков — тот лишь обвинял его в том, что во время отступления он не защищал его лично.

Чжао Юнь, разумеется, не стал спорить. По правде говоря, он действительно не исполнил до конца свой долг телохранителя, но ведь он оставил ему целый отряд из сотни бойцов, к тому же Гунсунь Юэ к тому моменту уже давно вышел из зоны вражеской атаки.

— Чжао Цзилун!

Чжао Юнь торопился в свой шатер, когда его окликнул Лэй Бо.

— Генерал Лэй. — Чжао Юнь остановился.

Перед ярко пылавшим костром сухие ветки постепенно превращались в черный пепел.

Они сидели на земле, а неподалеку, у ворот лагеря, на ветру полоскались боевые знамена.

Чжао Юнь невольно задавался вопросом, зачем Лэй Бо вытащил его из лагеря поболтать. Если бы дело было в недавнем спасении жизни, то Лэй Бо уже давно выразил бы свою благодарность.

Лэй Бо поднял винный кувшин в руке, салютуя Чжао Юню; его глаза покраснели от хмеля, он уже казался слегка пьяным.

— Ну же, Цзилун, давай до дна.

Чжао Юнь сделал лишь крошечный глоток и поставил кувшин, наблюдая, как Лэй Бо жадно, большими глотками вливает в себя вино, которое струйками стекало по его подбородку.

— Юаньчан, — нахмурившись, окликнул его Чжао Юнь. — Разве Генерал Сунь разрешает пить в лагере тайком?

Лэй Бо вытер рот и шумно срыгнул:

— Ха, вот поэтому я и вытащил тебя из лагеря.

С этими словами он снова сделал свирепый глоток.

Чжао Юнь прервал его:

— Ты ведь сегодня не просто приволок меня пить вино.

— Эти сукины сыновья все как один отказываются со мной пить, так что пришлось тащить

тебя, Цзилун.

Чистая, терпкая крепость вина текла по горлу холодом, напоминая прохладу раннего зимнего ветра, а на зубах все еще оставалось сладковатое послевкусие.

Чжао Юнь бросил в костер еще одну сухую ветку, и языки пламени с треском взметнулись выше.

А затем он услышал, как Лэй Бо неторопливо заговорил:

— Вэньтай завтра снова отдаст приказ идти на штурм... и вы тоже в числе наступающих.

— Юаньчан, к чему ты клонишь?

— Бах.

Кувшин с вином полетел прямо в костер, отчего вмиг взметнулся сноп искр, а ярко-красные языки пламени заплясали вразнобой.

Смутные отблески огня окрасили смуглое лицо Лэй Бо в багровый цвет, а в глубинах его глаз залетел ледяной холод.

— У господина есть смертный приказ касательно Гунсунь Юэ.

Чжао Юнь медленно поднялся. Уже развернувшись, он бросил через плечо:

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

Позади Лэй Бо тупо смотрел на бушующее пламя:

— Потому что ты спас мне жизнь. И потому что... я хочу уйти.

Глубокой ночью в пошитом из плотной ткани шатре ночной ветер трепал занавеску, поднимая шуршащий шорох, который казался особенно отчетливым в темноте.

Го Цзя завернулся в одеяло, его левая рука оставалась снаружи. Окровавленная повязка была размотана, обнажая страшную, зияющую рану, покрытую черно-красными струпьями.

Чжао Юнь, опустив голову, тщательно и кропотливо менял ему повязку, его движения были до того бережными, словно он обращался с бесценным сокровищем.

— Лэй Юаньчан собирается уйти? — спросил Го Цзя.

— Угу, он так сказал.

Виток за витком ложилась ткань, казалось, бинтуя не просто этот белый лоскут, а нечто большее...

Точно так же виток за витком все туже затягивалось между ними...

Чжао Юнь спрятал его руку обратно под одеяло, но Го Цзя внезапно поднял голову. В тот же миг расстояние между ними сократилось до предела — так близко, что они отчетливо ощущали теплое дыхание друг друга, касающееся кожи лица.

Словно само время внезапно замерло.

Первым тишину нарушил Го Цзя, на мгновение прикрыв глаза:

— Цзилун, Юань Гунлу собирается объявить себя императором.

Чжао Юнь замер в изумлении.

Накануне битвы интендант приполз обратно из горы трупов: продовольствие их армии было захвачено, а обозы с тыловыми запасами никак не поспевали вовремя.

Сунь Цзянь стоял перед военной картой, погруженный в молчание.

Но все присутствующие ясно чувствовали: от него исходила аура, мрачная и мертвая, как могила.

В этом сражении существовал лишь один военный приказ: взять Янчэн.

В тот день в Янчэне лил проливной дождь.

Потоки воды безжалостно смывали тела павших на поле боя, а у городских ворот змеились кровавые ручьи, которые тут же растворялись в разбушевавшейся непогоде.

Все, что осталось — лишь нагромождения мертвых тел на размокшей желтой земле.

Чжао Юнь с копьем в руке и верхом на коне неотступно следовал за Гунсунь Юэ, охраняя его. Его смертоносная аура с презрением взирала на кровавое марево вокруг.

Серебряное копьё, белый конь.

Подобно вспышкам молний на краю небес, его облик потрясал этот мир.

В безумии жестокой схватки не было победителей и побежденных — существовали лишь жизнь и смерть.

После нескольких столкновений, каким бы тупоголовым ни был Гунсунь Юэ, он не мог не заметить скрытых и зловещих замыслов Юань Шу. Тем более что, мысленно возвращаясь к той незаметной стреле, пущенной ему в спину, Гунсунь Юэ покрывался холодным потом.

Рукоять меча яростно ударила коня по крупу, и он резко натянул поводья.

— Цзилун, готовимся к прорыву.

— Понял, — отозвался Чжао Юнь. В суматохе боя трудно сражаться, но именно в смуте проще всего незаметно скрыться.

Ярящаяся пыль смешивалась с брызгами алой крови, взмывая в воздух.

Штурмующие солдаты сплошной стеной карабкались по осадным лестницам, сменяя друг друга, а те редкие смельчаки, кому удавалось добраться до зубцов стены, тут же безжалостно сбрасывались вниз ударами копий защитников города.

Дождь и ветер застилали глаза, поэтому, когда Гунсунь Юэ развернул коня, это заметил лишь Лэй Бо, неотрывно следивший за ними.

Противостояние.

В руке алебарда, кровь смешивается с каплями дождя и капает в пыль. Новоприбывший сузил глаза, вскинул руку и острием алебарды указал прямо на Гунсунь Юэ.

Несколько сопровождавших Гунсунь Юэ чиновников и воинов поспешно шагнули вперед, заслоняя собой военачальника.

— Покинуть построение — кара смерти. — Холодный взгляд, леденящий голос. Лэй Бо рывком и прищипил коня.

— Звяк!

Вспыхнул серебряный свет, искры полетели от удара кремня.

Алебарда Лэй Бо с лязгом обрушилась на серебряное копье Чжао Юня, и тот глухо крикнул:

— Уходите! — после чего его руки мгновенно ослабили напор на добрых три десятка процентов. Чжао Юнь слегка кивнул и яростно отбросил его в сторону.

Одним взмахом рассекая пелену дождя, он прорубил кровавый путь.

Продвигаясь вперед под проливным дождем, Чжао Юнь был вынужден не только оберегать Гунсунь Юэ, но и ежесекундно приглядывать за тем человеком.

Сейчас Го Цзя переоделся в одежды рядового воина и затерялся среди отряда под шлемом, так что в суматохе никто не мог его узнать.

Больше всего Чжао Юня тревожило то, что у простых воинов не было коней, а в грязи, среди ухабистых горных троп, пехота привыкла передвигаться маршем, но этот человек — с еще не зажившей раной на руке, в такую непогоду и проливной дождь...

К несчастью, во-первых, лишних лошадей не было, а во-вторых, Чжао Юнь не мог посадить его к себе в седло.

Ему оставалось лишь то и дело оборачиваться.

Отряд двигался на запад, намереваясь в обход вернуться в Цзичжоу, опасаясь, что Юань Шу перехватит их на полпути.

Ранее Чжао Юнь советовался с Го Цзя, на что тот ответил:

— Переправиться через реку Ло.

Наконец они прорвались сквозь густые заросли леса, и перед ними раскинулась водная гладь.

Потоки ливня обрушивались вниз, и вся река Ло бурлила яростными волнами, несясь с бешеной скоростью. Не говоря уже о том, как трудно переправляться в такую погоду, даже стоя на берегу, можно было физически ощутить, как бушующие бьют в лицо водяные струи.

Чжао Юнь спешил, обошел строй в арьергард и, казалось бы, невзначай пробормотал себе под нос:

— И как нам переправляться через реку?

Го Цзя потер лоб, выдавил из себя горькую улыбку и тихо произнес:

— Я тебе не небожитель, откуда мне было знать, что сегодня пойдет дождь.

Проходивший мимо него Чжао Юнь был настолько озадачен этим полным обиды ответом, что не знал, смеяться ему или плакать.

Пришлось повернуть назад, подойти к Гунсунь Цзаню и сказать:

— Подождем, пока утихнет дождь, и тогда переправимся.

Гунсунь Юэ кивнул. Стоя на берегу, он смотрел на катящиеся белые валы, уносящие с собой все на свете, а в его глазах мелькнуло свирепое выражение.

В лесу внезапно раздался резкий свист.

Рассекая воздух, пролетели арбалетные болты, гораздо более мощные и тяжелые, чем обычные стрелы.

— Защитите генерала!

Громко крикнув, Чжао Юнь мгновенно перевернулся в седле и прикрыл человека собой, в то время как конь Гунсунь Юэ в одно мгновение превратился в решето.

— Ха-ха-ха! Малыш Гунсунь, я ждал тебя!

<http://bllate.org/book/19191/1884807>